

АЛЕКСАНДР КИКЛЕВИЧ
(Olsztyn)

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ РУССКОГО СИНТАКСИСА В СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются спорные проблемы семантического описания русского синтаксиса. Автор рассматривает моделирование семантической структуры предложения в перспективе онтологического детерминизма и языковой относительности, роль грамматических категорий в реализации синтаксической семантики. Особенное внимание в связи с этим уделяется проблеме разграничения обязательных или необязательных компонентов предложения, т. е. конститuentов и адьюнктов. Рассматривая явление синтаксической омонимии, автор придерживается точки зрения, что понимание омонимичных конструкций в речи опирается не только на грамматические модели предложения, но в большей степени – на лексико-семантический состав предложения. Семантическая структура предложения, в представлении автора, зависит от наивной картины мира.

Ключевые слова: семантический синтаксис, языковая относительность, ситуативная семантика, русское предложение, структурная схема предложения, наивная картина мира.

Введение

Основы функционального синтаксиса в русском языкознании заложил А. М. Пешковский (2001; первое издание – 1914). Ю. Д. Апресян подчеркивает, что Пешковский исходил из положения, согласно которому „синтаксические конструкции, как и прочие единицы языка, являются средством выражения значений“ (2001, XI). Во второй половине XX века значительный вклад в развитие функционального направления грамматических исследований внесли Т. П. Ломтев, В. Г. Гак, Г. А. Золотова, Ю. С. Степанов, Т. В. Булыгина, Н. Ю. Шведова, Е. В. Падучева и др.

В 70-е и 80-е годы XX в., после того как Ч. Филлмор ввел в понятие глубинно-семантического падежа (1981) и разработал концепцию семантического синтаксиса, теоретическую основу которого составляют постулаты экстенциональной логики, а прежде всего – восходящее к раннему Л. Витгенштейну положение об изоморфизме между структурой ситуации и содержательной структурой предложения, в русском языкознании широкое распространение получил ситуативный подход к изучению синтаксиса. Основы семантического исследования русского синтаксиса были заложены в монографиях Н. Д. Арутюновой (1976) и Ю. С. Степанова (1981), хотя основоположником данного направления считается Т. П. Ломтев. Несмотря на значительный, многолетний исследовательский опыт и ряд достижений в данной области лингвистики, среди которых в первую очередь следует упомянуть „Синтаксический словарь“ Г. А. Золотовой (1988), многие вопросы семантического представления синтаксических структур не потеряли своей актуальности и до сегодняшнего дня, более того – их значимость возрастает в контексте новых направлений, в первую очередь таких, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Дискуссионным аспектам семантического синтаксиса и будет посвящена данная статья.

1. Онтологический детерминизм vs. языковая относительность

Семантический синтаксис иначе определяется как ситуативная семантика. Это обусловлено характером подхода к описанию предложения (высказывания), при котором исследователей интересует то, как в структуре предложения отражается описываемая референтная ситуация. Семантическая, другими словами – пропозициональная функция предложения состоит в указании на тип ситуации (ситуативный тип), к которому относится конкретное, описываемое положение дел. Так, пропозициональная функция высказывания

Иван отсутствовал из-за болезни

заключается в том, что оно соотносит обозначаемую ситуацию с ситуативным типом: субъект (*Иван*) – предикат состояния (*отсутствовал*) – причина (*из-за болезни*).

В соответствии со структурой ситуации, в которой выделяются субстанции (участники) и признаки (отношения, действия, свойства

участников) в структуре высказывания различаются аргументы (предметные имена, термы, актаны – в европейской традиции, тайгены – в японской традиции) и предикаты – в европейской традиции (ёгены – в японской традиции) (Богданов 1977; Мартынов 1977, 18; Ревзин 1978, 135 сл.). Семантическая функция словоформы (синтаксемы) в высказывании заключается в том, что она указывает на роль обозначаемого предмета в ситуации, описываемой высказыванием. В соответствии с терминологией Филлмора, семантическим функциям соответствуют глубинные (или глубинно-семантические) падежи.

Одной из задач семантического синтаксиса стала классификация предикатов и аргументов с точки зрения их семантических функций (Богданов 1977; Золотова 1988; Левицкий 1988; Лещенко 1988; Никитин 1988; Селиверстова 1982; Daneš 1985; Gregorczykowa 1990; Panevová 1980 и др.). Так, Филлмор выделил шесть падежей: агентив, инструменталис, датив, фактив, локатив и обьектив (1981a, 405 сл.). Впоследствии к ним были добавлены реципиент, источник, результатив и контрагентив. В других работах приводятся самые различные по объему и содержанию списки семантических функций, в том числе и содержащие по несколько десятков семантических падежей.

На периферии многих исследований оказался, однако, вопрос о статусе пропозициональной семантики в структуре предложения как знака. Одним из первых эту проблему затронул Г. Фреге, который ввел понятия смысла и денотата (в оригинале *Sinn, Bedeutung*; в польской терминологии: *sens, nominat*). Под „смыслом“ (в современной терминологии – сигнификатом) знака выдающийся немецкий логик понимал интерпретацию обозначаемых объектов и положений вещей, а „денотатом“, в его трактовке, „является определенная вещь (в самом широком смысле слова)“ (1977, 183). Автономность данных двух аспектов содержания знаков подтверждается существованием категории знаков, обладающих смыслом, но не обладающих денотативным значением – речь идет о так называемых фантомах (термин Б. Ю. Нормана) типа *Пегас, Одиссей, наиболее удаленное от Земли небесное тело* (см. также: Слинин, Сергеев 1980, 159).

Соотношение между аспектами семантической структуры знака Фреге представлял следующим образом:

В идеале соответствие между знаками, смыслами и денотатами должно быть устроено таким образом, чтобы всякому знаку всегда соответствовал определенный смысл, а всякому смыслу, в свою очередь, соответствовал определенный денотат (*ibidem*, 184).

Как видим, с одной стороны, смысл как „внутренняя семантика“ знака противопоставляется денотативному значению как его „внешней семантике“; с другой стороны, в модели Фреге отсутствует непосредственная связь между знаком и денотатом – она опосредована смыслом, что позднее нашло отражение в известном семантическом треугольнике Ч. К. Огдена и А. А. Ричардса (Ogden/Richards 1969, 11 ссл.):

Английские исследователи подчеркивали:

Between the symbol and the referent there is no relevant relation other than the indirect one, which consists in its being used by someone to stand for a referent. Symbol and referent, that is so say, are not connected directly (and when, for grammatical reasons, we imply such a relation, it will merely be an imputed, as opposed to a real, relation) but only indirectly round the two sides of the triangle (*ibidem*, 12; разрядка моя. – А. К.).

Применительно к предложению смысл интерпретировался Фреге как выражаемое в нем логическое суждение. Он писал:

Если рассматривать только смысл предложения, то есть суждение, то незачем заниматься денотатами отдельных его частей; для смысла предложения важны только смыслы его частей, а не их денотаты; суждение не изменится от того, имеет ли слово *Одиссей* денотат или нет (*ibidem*, 190).

Что касается денотата предложения, то Фреге отождествлял его с понятием истинностного значения, т. е. значения правды/неправды:

Денотатом предложения является его истинностное значение [...] Всякое повествовательное предложение в зависимости от денотатов составляющих его слов может [...] рассматриваться как имя, денотатом которого (если он, конечно, существует) будет либо истина, либо ложь (*ibidem*).

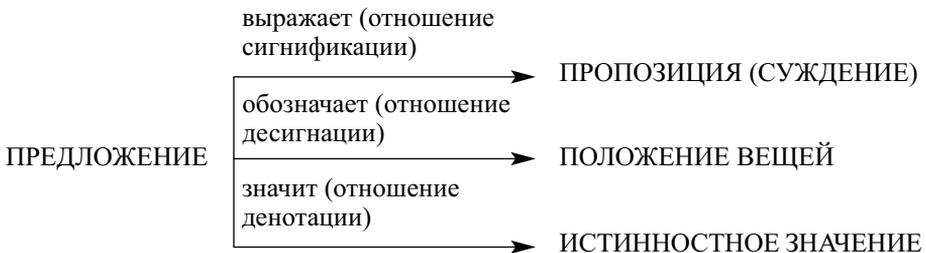
Современная семантика трактует денотативное значение иначе – как указание на конкретный, „выделенный“ объект номинации (предмет или положение вещей). Если бы мы разделили точку зрения Фреге, тогда слово как номинативная единица лишилась бы денотативного значения, ведь слова сами по себе не передают значения правды/неправды, ср.:

Правда ли, что Одиссей высадился на берег Итаки в состоянии глубокого сна?

*Правда ли, что Одиссей?

Что касается значений „истина“ и „ложь“, то в концепции функционального синтаксиса (она системно изложена в монографии: Kiklewicz 2004, 146 ссл.) они рассматриваются в рамках интерпретативной функции предложения, а именно – репрезентативной модальности.

В данной работе нас, однако, больше интересует другое: место пропозициональной семантики предложения в его содержательной структуре. Фреге не решил, а собственно – и не решал эту проблему: „суждение“ понималось им как атрибутивное суждение со структурой „субъект – предикат“. Последователи Фреге расширили его модель – именно с учетом пропозиционального содержания предложения. Так, немецкий языковед М. Хартиг (Hartig 1978, 95) представляет семантическую структуру предложения следующим образом:

Как видим, пропозициональное значение предложения трактуется здесь как его сигнификация (или смысл – в терминологии Фреге), т. е. как „представление“ обозначаемого положения дел. Такую точку зрения в русистике высказывал Т. П. Ломтев (1976, 24). Отношения между сигнификацией, десигнацией и денотацией оказываются, однако, далеко не однозначными. Пропозициональная семантика – как она представляется в теории семантического синтаксиса – заключа-

ется в том, что предложение функционирует как сложный иконический знак, который в определенной степени ко п и р у е т отношения между участниками описываемого события (положения дел) (Арутюнова 1976, 27; Freundlich 1972, 2; Helbig 1992, 7; Mauro 1982, 65). Таким образом, с одной стороны, пропозициональный аспект высказывания рассматривается отдельно от референции, но с другой стороны, оказывается, что именно структура референтной ситуации определяет пропозициональное содержание предложения – неслучайно ведь данный аспект предложения определяют как с и т у а т и в н у ю семантику. Эта симметричность или, другими словами, изоморфичность сигнификации и референции – применительно к предложению – и дает некоторым исследователям основание для утверждения, что предложение как единица языка – в отличие от слова – не обладает сигнификативным значением (см. Уфимцева 1974, 27).

Не иначе как парадоксом можно назвать то, что доминирующей тенденцией в исследованиях по семантическому синтаксису является онтологический (или реистический) детерминизм. Косвенно он вытекает из программных положений данного научного направления. Так, по определению авторитетного немецкого специалиста Г. Хельбига (Helbig 1992, 22 сл.), в теории семантического синтаксиса все синтаксические единицы описываются с семантической точки зрения, а одной из предпосылок является несовпадение грамматической формы и семантической функции слова, ср.: *die Ausstellung des Grafikers* – выставка графика и *die Ausstellung der Grafiken* – выставка графики, где форма родительного падежа существительного имеет функции субъекта и объекта действия. Подобным же образом, как считал Т. П. Ломтев (1976, 216), различаются семантические функции предложно-падежных форм в русских предложениях:

В Кабуле Суриц пробыл недолго.

В Шанхае нас повели в большую типографию.

По мнению Ломтева, в первом предложении обстоятельство *в Кабуле* является облигаторным, конститутивным элементом, обусловленным семантикой глагольного предиката, тогда как во втором предложении предложно-именное сочетание *в Шанхае* – „свободный элемент“, на что указывает возможность трансформации:

Когда мы находились в Шанхае (когда мы посетили Шанхай), нас повели в типографию.

*Когда Суриц находился в Кабуле, он пробыл там недолго.

В теории семантического синтаксиса предполагается, что одному и тому же глубинному падежу соответствуют различные традиционные члены предложения, а предложения с различной формально-грамматической структурой могут получить общее семантическое описание: по мнению Хельбига, высказывания *Er findet das Buch gut* – Он считает книгу хорошей и *Er findet, daß das Buch gut ist* – Он считает, что книга хорошая могут быть представлены в виде структуры, состоящей из предиката *FINDEN* и двух аргументов: предметного *ER* и ситуативного (*DAS BUCH GUT IST*). Из сказанного вытекает, что пропозициональная семантика предложения не зависит от „внутренней“ семантической категоризации языка – она, скорее, обусловлена онтологической ориентацией предложения как знака, т. е. репрезентации „внешних“ по отношению к языку положений дел.

Такую позицию занимает, например, известный русский исследователь Ю. А. Левицкий, который противопоставляет пропозицию как категорию „внешней“ семантики предложения атрибутивному суждению как категории „внутренней“ семантики, а также считает, что семантические функции конститuentов предложения (аргументов и предикатов) связывают его „с миром предметов и явлений“ (1988, 25).

Более адекватным по отношению к языковой реальности является концепция, в соответствии с которой в качестве референциального аспекта предложения рассматривается его соотносительность – в рамках определенной речевой ситуации – с конкретной обозначаемой ситуацией (см. Падучева 1985, 8). Что же касается сигнификативного аспекта предложения, то он включает несколько категорий представления референтной информации. Пропозициональная функция – только одна из таких категорий; другие (аспектуальная, темпоративная, модальная, атрибутивная, имплицативная и т. д.) подробно описаны в монографии: Kiklewicz 2004, 48 ссл.

Альтернативной по отношению к онтологическому детерминизму является точка зрения, согласно которой семантическая структура предложения не представляет собой копии референтной ситуации, а скорее – результат ее „о языков л е н и я“, если воспользоваться термином А. А. Камаловой (1998, 13). Речь идет о том, что языковая номинация положения дел осуществляется с учетом специфической субъективной категоризации, которая зависит от принадлежности

речевог субјекта к определенному културному континууму или же обусловлена его индивидуальными параметрами (в связи с последним необходимо заметить, что уже Г. Фреге рассуждал о различиях между „смыслом“ и „представлением“ о денотате, см. 1977, 185 сл.).

Противники онтологического детерминизма подчеркивают, что семантические функции в падежной грамматике вводятся бессистемно, без опоры на четкие лингвистические критерии, а специфическая языковая семантика игнорируется (Золотова 1988, 11; Coseriu 1987, 180; Piernikarski 1990). В связи с этим С. Д. Кацнельсон писал:

Придавая ведущее значение семантике имен в плане определения их падежной роли, Филлмор упускает из виду зависимость не только данного „падежа“, но и предложения в целом от валентностной схемы глагольного значения (Кацнельсон 1988, 112).

С лингвистической точки зрения более приемлемым представляется подход, в соответствии с которым количество и качество семантических функций аргументов определяется не их непосредственным отношением к участникам обозначаемой ситуации, а их местом в „поле интенции“ предиката (см. Андерш 1987, 13). В зависимости от выбора предиката (если такой выбор возможен) одна и та же референтная ситуация может быть соотносена с разными пропозициями, включающими разные типы аргументов (см. Киклевич 1989, 45), ср.:

Коллекционер купил у художника картину.

Художник продал коллекционеру картину.

Коллекционер завладел картиной художника.

Картина художника оказалась у коллекционера и т. д.

С точки зрения падежной грамматики в высказываниях

Дверь открыта ключом

Ключ открыл дверь

словоформы *ключом* и *ключ* выражают одну и ту же семантическую функцию – инструмента действия. Кацнельсон (op. cit.) критиковал такой подход, считая, что во втором высказывании к орудийному значению – под влиянием грамматического значения именительного падежа и соответствующей синтаксической позиции – добавляется агентивное: подразумевается, что ключ подошел к замку, оказался способным к употреблению в качестве орудия в описанной ситуации, т. е. ключ рассматривается как деталь, соответствующая целому.

Существование отдельного уровня языковой (т. е. обусловленной спецификой лексической и грамматической системы языка) концептуализации объектов и положений вещей рассматривает в качестве одного из фундаментальных положений функционально ориентированной теории языка финский русист А. Мустайоки (1997, 15). Предлагаемая им модель функционального синтаксиса опирается на систему отношений между языком и действительностью, в которой специально рассматривается „уровень языковой семантики“, т. е. селекции элементов референтной ситуации. Так, высказывание

Нина дала Ивану книгу

отражает только часть элементов ситуации, в которой происходит передача книги Ниной Ивану – не учтены такие параметры, как время, место, способ действия и др. (ср. также понятие масштаба концептуализации в: Киклевич 1999, 169; 2001, 170).

Хотя финский исследователь принимает точку зрения, согласно которой языковая семантика представляет собой результат специфической, субъективной концептуализации объективных положений дел, при анализе конкретного эмпирического материала он более склоняется к реистической установке, т. е. принимает точку зрения онтологического детерминизма. Это, например, касается интерпретации предложений, содержащих семантическую (денотативную) функцию инструмента действия. Вопрос о том, выделять или не выделять в данной пропозициональной структуре инструментальный актанта, Мустайоки решает с позиций здравого рассудка. В предложении

Нина рубит дрова новым топором

выделяется инструментальный актанта *новым топором*, поскольку, как пишет ученый,

в конкретных [...] ситуациях действительности Субъект-Агент всегда использует какой-либо инструмент [...] Инструмент не может быть устранен, поскольку он является неотъемлемой частью таких положений дел, в которых активный субъект вообще делает что-то. Например, когда мы говорим, что *Он ест борщ*, мы не имеем в виду, что он ест без ложки (2006, 48).

В современном семантическом синтаксисе, особенно в работах С. Кароляка (Karolak 1984; 2002) или Я. Паневовай (Panevová 1980;

1999; 2001; Panevová/Klimonow 1984), используются достаточно точные методы определения пропозиционального состава предложения. В работе: Kiklewicz 2007, 31 ссл., описаны четыре типа критериев разграничения аргументов как обязательных компонентов пропозиции и адъюнктов (в другой терминологии – сирконстантов) как необязательных компонентов: 1) формальный; 2) трансформационный; 3) диалогический (коммуникативный) и 4) семантический. В качестве аргументов рассматриваются такие распространители предиката, которые, с одной стороны, коннотируются (аккомодируются) предикатом, а с другой стороны, не входят в структуру его лексического значения. Например, предложения с глаголами движения – с объективной точки зрения – обозначают положения дел, в которых имеется отправная и конечная точка в пространстве, ср.:

Иван едет/выехал/поехал/приехал/вернулся и т. д. из Москвы в Петербург.

Это, однако, не значит, что в предложениях с глаголами движения, кроме субъекта-агенса, мы должны выделить еще два аргумента – адлативный и аблативный, потому что каждый глагол, в зависимости от своей лексической семантики и морфологической структуры, обладает разными коннотативными свойствами. Так, глагол *выехать* – благодаря семантике приставки – коннотирует только обязательный аблативный аргумент (указывающий на исходный пункт движения), а глаголы *поехать*, *приехать* – обязательный адлативный аргумент (указывающий на целевой пункт движения). Напротив, адлативный компонент в предложениях с глаголом *выехать* и аблативный компонент в предложениях с глаголом *поехать*, как пишут В. А. Плунгян и Е. В. Рахилина (1990, 207), до статуса аргумента „не дотягивают“. В случае глагола *ехать* (в значении ‘двигаться, перемещаться по суше или воде при помощи каких-либо средств передвижения’), скорее всего, ни одна из этих денотативных функций не является релевантной. Это же касается и функции инструмента, ведь, согласно логике Мустайоки, *ехать* можно на *чем-то* или *чем-то*. Это, однако, не доказательство того, что в семантической структуре рассматриваемых предложений содержится также четвертый аргумент – инструментальный, указывающий на средство передвижения, ведь данная семантика уже закодирована в лексическом значении глаголов – см. приведенное выше толкование лексемы *ехать*. С. Кароляк квалифицирует такие единицы как „встроенные аргументы“ (Karolak 2002, 103):

грызть (зубами), утюжить (утюгом), моргать (глазами), тупать (ногами), сосать (зубами), нюхать (носом) и др. Мустайоки, в принципе, также учитывает данное явление, используя другой термин – „инкорпорация“ (2006, 49), но не усматривает инкорпорации в предложениях, содержащих орудийные синтаксемы.

Ср. примеры расхождений между онтологической и пропозициональной интерпретацией референтной ситуации:

вернуться 'прийти, приехать назад, обратно'

Иван вернулся из Москвы.

Двухместный предикат: $P(x, y)$

С онтологической точки зрения: *Кто-то вернулся откуда-то куда-то.*

прожечь 'огнем жаром, чем-либо едким образовать, проделать дыру в чем-л.'

Иван прожег брюки.

Двухместный предикат: $P(x, y)$

С онтологической точки зрения: *Кто-то прожег что-то чем-то.*

ЗАМЕЧАНИЕ: Как видим, онтологическое основание подталкивало бы нас к необходимости выделения аргумента с семантической функцией инструмента, но эта функция закодирована в лексическом содержании предиката. В высказывании *Иван прожег дырку в брюках* мы имеем дело с тем же двухместным предикатом, появление же синтаксемы *дырку* можно объяснить явлением семантической дизъюнкции, т. е. „расщепления“ аргумента (см. Karolak 2002, 105).

(по)целовать 'прикасаются губами к кому-л., чему-л. в знак любви, дружбы, при встрече, прощании и т. п.'

Иван поцеловал Машу.

Двухместный предикат: $P(x, y)$

С онтологической точки зрения: *Кто-то поцеловал кого-то во что-то (в какую-то часть).*

ЗАМЕЧАНИЕ: Предложение с глаголом *целовать* может иметь несколько лексических распространителей, например: *Иван поцеловал Машу в шею холодными губами*. Синтаксема *холодными губами* может быть рассмотрена, с одной стороны, как форма „встроенного аргумента“, а с другой стороны, как элемент включенной пропозиции: 'Иван поцеловал Машу в шею, при этом его губы были холодными' (интерпретации второго типа рассматривает и Мустайоки, см. 2006, 49). Синтагматическая группа *Машу в шею* представляет собой результат семантического расщепления второго аргумента.

Следует признать, что проблема разграничения обязательных и факультативных элементов пропозиции настолько сложна, что в этой

сфере трудно требовать однозначных и категорических решений. В связи с этим заслуживает внимания мнение, высказанное Плуногьяном и Рахилиной:

[...] Можно указать имеющий достаточно строгие границы класс „собственно актантов“ – это синтаксически обязательные участники ситуации, т. е. те, обозначение которых обязательно в предложениях, содержащих соответствующую предикатную лексему. Однако то, что противопоставлено этому классу актантов *par excellence*, не может быть, с нашей точки зрения, объединено никаким общим признаком. Не существует такого теоретического понятия, с помощью которого можно было бы описать все „не-актанты“ [...] Дело, по-видимому, в том, что в класс не-актантов входят участники ситуации, связанные с семантикой предикатной лексики весьма различной степенью жесткости. Существуют участники ситуации [...] степень связи которых с предикатной лексемой может считаться минимальной, и в этом смысле они являются наиболее близкими к традиционному представлению о сирконстантах. Но между подобными участниками и собственно актантами располагается целый ряд промежуточных случаев [...] (1990, 208 сл.).

Подобную позицию, как кажется, занимает и Мустайоки. О предложениях типа

Нина рубит дрова

он пишет:

Когда мы предполагаем наличие невыраженного Инструмента [...] дело вкуса толковать такой случай как инкорпорацию (Инструмент „входит“ в предикат) или как эллипсис (Инструмент пропущен) (2006, 49; разрядка моя. – А. К.).

Что касается интерпретации данного конкретного выражения, то, как представляется, есть основания квалифицировать предикат *рубить* как двухместный (не трехместный). Хотя Плуногьян/Рахилина пишут: „Какая бы ситуация ни обозначалась словом *рубить*, в ней всегда будет присутствовать инструмент“ (1990, 207), – надо иметь в виду фразеологизованный характер словосочетания *рубить дрова*, т. е. тот факт, что в нашем языковом сознании, в словарной памяти – с учетом фоновых знаний о мире – данная ситуация автоматически ассоциируется с употреблением инструмента (топора или разновидности этого орудия). Таким образом, инструмент в сочетании *рубить дрова* имеет, скорее всего, инкорпорированный характер.

2. Структурная схема vs. лексическое наполнение

Семантический синтаксис, как уже указывалось, рассматривает формально-грамматическую и глубинно-семантическую структуры как автономные, поэтому одному поверхностному падежу может соответствовать несколько глубинных, что на русском материале исчерпывающим образом описано Г. А. Золотовой (1988; см. также: Пауль 1960, 344; Helbig 1992, 144 ссл. и др.). Указанная автономность грамматики и семантики является причиной синтаксической омонимии, ср.:

Из бывших вещей производились лишь папиросы „Герцеговина Флор“ (А. Битов).

- а) 'Производились лишь папиросы, другие бывшие вещи не производились';
- б) 'Бывшие вещи использовались как сырье для производства папирос'.

Посылает царь невесту Алёну доставать (Фольклор).

- а) 'Царь посылает невесту, чтобы она достала Алёну';
- б) 'Царь посылает некоторое лицо достать невесту по имени Алёна'.

О великий эмир, позволь сказать твоему слуге (Фольклор).

- а) 'Позволь мне обратиться к твоему слуге';
- б) 'Позволь сказать мне, твоему слуге'.

Ведь все эти фильмы помнят, и только улыбки вызывает такая „политика“ телевидения („Неделя“. 1985/31).

- а) 'Все зрители помнят эти фильмы';
- б) 'Зрители помнят все эти фильмы'.

Журналистов, ищущих героев нашего времени, направляют в первую очередь сюда („Комсомольская правда“. 11 X 1980).

- а) 'Журналисты ищут героев нашего времени';
- б) 'Журналисты – ищущие герои нашего времени'.

Грамматическая конструкция, как видим, сама по себе не запрещает двойного толкования высказывания, выбор же одной из возможных интерпретаций зависит, в первую очередь, от его лексического состава – лексического наполнения структурной схемы предложения, а также от контекста. Таким образом, пресловутое щербовское выражение „Лексика – дура, грамматика – молодец!“ оказывается в подобных случаях неуместным.

С одной стороны, „глубинные падежи“, как уже было показано, свободны от жестких грамматических ограничений, но с другой

стороны, между семантическими и грамматическими категориями имеются устойчивые корреляции, например, взаимосвязь между значением именительного падежа и функцией агенса – не случайно орудийные, локативные, медиативные и др. компоненты в форме именительного падежа могут приобретать оттенок агентивности (см. раздел 3).

Сила грамматики состоит как раз в том, что грамматические значения абстрактны и в рамках данной языковой общности обязательны, поэтому благодаря грамматической информации общий смысл высказывания будет восстановлен адресатом и в условиях, когда отдельные слова окажутся непонятными и какая-то часть лексической информации не будет декодирована. Ср. пример из разговорной речи:

– Скажите, у вас тут эксцессов не было?

– Да нет, пока не приезжали...

Лексическое значение существительного *эксцесс* адресату сообщения оказывается неизвестным, и все-таки благодаря грамматическому значению он понимает фразу, пусть и неточно, не в соответствии с замыслом говорящего, который вкладывает в существительное *эксцесс* фактуальную семантику ('Не имели ли у вас место эксцессы, т. е. факты нарушения общественного порядка'), тогда как слушающий интерпретирует существительное *эксцессы* как личное ('Лица, именуемые как *эксцессы*, у нас не появлялись').

Классическим примером осмысления высказывания благодаря грамматическим значениям входящих в его состав словоформ считается пресловутая щербовская *глокая куздра*, которая *штеко будланула бокра*. В 80-е годы XX века у *глокой куздры* появился конкурент – *путьки бятые*. Таково название впервые опубликованной в „Литературной газете“ юморески Людмилы Петрушевской:

Сяпала Калуша по напушке и увазила бутявку. И волит:

– *Калушата, калушатошки! Бутявка!*

Калушата присяпали и бутявку стрямкали.

И подудонились.

А Калушата волит:

– *Оее, оее! Бутявка-то некузявая!*

Калушата бутявку вычучили.

Бутявка вздрезбунулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит:

– *Бутявок не трямкают. Бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые. От бутявок дудонятся.*

А бутявка волит за напушкой:

– Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузавые!

Пуськи бятые!

Текст Петрушевской стал просто нарасхват у авторов популярных книг о языке – Б. Ю. Нормана, И. А. Стернина, А. Е. Михневича и др. Норман, который посвятил *пуськам* целый раздел своей популярной книжки, пишет что в данном случае при понимании текста „основная тяжесть“ лежит на грамматических значениях и конструируемых благодаря им синтаксических шаблонах.

Именно их (грамматические значения и синтаксические модели. – А. К.) читатель и стремится в первую очередь опознать, с тем, чтобы расставить по местам участников ситуации. Что такое, в частности, *сяпала Калуша по напушке*? Ну, примерно то же самое, что *скакала лягушка по траве* или *шлепала галоша по дороге* и т. п. (1987, 91).

У такой интерпретации имеются, однако, и очевидные недостатки. Лежащая в основе высказывания

Сяпала Калуша по напушке

структурная схема $S [Nom] + Vf + Praep [no] + S [Dat]$ принципиально допускает несколько семантических интерпретаций, в которых предложно-падежная синтаксема выполняет разные семантические функции:

локатив (или транзитив, в терминологии Г. А. Золотовой): *Ступала Маша по дивану.*

объект физического действия: *Стучала Маша по барабану.*

объект психического состояния (с каузативной семантикой): *Скучала Маша по Ивану.*

каузатив: *Маша явилась по приказу.*

рубрикатив: *Маша работала по ссылке.*

темпоратив: *Маша гостила по неделе.*

инструмент: *Маша говорила по телефону.*

коррелятив: *Маша работала по графику.*

дистрибутив: *Маша платила по доллару.*

Норман (как и другие авторы) выбирает только одну, а именно – первую интерпретацию и как бы не замечает других. Автор интуитивно рассматривает словоформу *сяпала* как глагол передвижения, словоформу *Калуша* – как передвигающийся объект, а предложно-именное сочетание *по напушке* – как место передвижения. Это можно

объяснить тем, что исследователь – сам того не сознавая – оказывается подверженным влиянию фонетических и словообразовательных ассоциаций слов. Именно благодаря им и прогнозируются участники ситуации: *напушка* вызывает сходство с *опушкой* (‘край леса’), что и обуславливает интерпретацию словоформы *напушка* как названия места. Нельзя не усмотреть и других ассоциаций:

сяпала – топала, шлепала

бутявка – козявка

кузявая – козявка

волит – говорит и т. д.

В сущности, подобная ситуация наблюдается и с *глокой куздрой*. Казалось бы, общая синтаксическая интерпретация этого „высказывания“ не вызывает сомнений: (кто?) *куздра* (какая?) *глокая* (что сделала?) *будланула* (кого?) *бокра* (как?) *штеко*. Именно с такой интерпретацией пример Л. В. Щербы почти столетие путешествует по учебникам „Введения в языкознание“. Но Ю. Д. Апресян (1966, 146 сл.), который проанализировал не только словоизменительные, но и словообразовательные значения лексических элементов в составе щербовской фразы, обратил внимание на то, что суффикс в слове *будлануть* повторяется в русских глаголах *давануть, долбануть, звездануть, мазануть, рубануть, садануть, стегануть, толкануть, щипануть, хлестануть* и др. – „все они имеют однократное значение, выражают энергичное, насильственное воздействие на объект (нечто вроде ударить, но непременно ударить с силой и один раз)“. Определенные ассоциации вызывает и наречие с признаком интенсивности *штеко*, которое в сочетании с *будлануть* соответствует выражениям *крепко звездануть, ловко мазануть, шибко трепануть* и т. п. Именно с учетом лексических ассоциаций – а не грамматических значений! – мы получаем интерпретацию: ‘Куздра, некое живое существо, по всей вероятности самка, интенсивно произвела насильственное действие над другим существом’.

А. М. Кондратов, автор одной из лучших популярных книг о языке (1978), развивает мысль Апресяна. Он задается вопросом:

Интуитивно всем нам, носителям языка, благодаря грамматике и привычным смысловым связям, рисуется примерно одинаковая картина того, что произошло с *глокой куздрой* академика Щербы. Но обязательно ли именно такое толкование? (1978, 79).

Выясняется, как это мы уже наблюдали с *путьками бятыми*, – не обязательно. Так, *глокая* может быть, в принципе, осмыслено как прилагательное или как деепричастие. *Куздра* может быть не обязательно животным, но и человеком, входя в тот же ряд наименований, что и *мымра*, *карга*, *дура* и т. п. Слово *штеко* можно квалифицировать как наречие, а можно – и как неизменяемое существительное типа *кенгуру*, *колибри*, *динго* и т. п.

Кондратов провел специальный эксперимент: были подобраны восемь русских фраз, построенных по типу *Глокая куздра штеко будланула бокра и куздрячит бокренка*, в которых варьировались грамматические значения и синтаксические функции отдельных компонентов:

- (1) *Закусочная турка нагло обманула казака и дурачит казачонка.*
- (2) *Ушлая экономка только обманула повара и морочит поваренка.*
- (3) *Дикая собака динго трепанула волка и увечит волченка.*
- (4) *Описывая мальчика бегло черканула сестра и молчит сестренка.*
- (5) *Слушая брата сильно психанула сестра и молчит сестренка.*
- (6) *Выискивая зерна проворно гребанула ворона и кормит вороненка.*
- (7) *Завидевшая обидчика высоко маханула обезьяна и манит обезьяненка.*
- (8) *Наглая телка крепко долбанула пастуха и увечит пастушонка.*

Задание состояло в том, чтобы определить, какая из этих восьми фраз соответствует по смыслу щербовской. Проведенный Кондратовым эксперимент показал, что „глокая куздра“, действительно, допускает несколько грамматических и семантических толкований. Кроме этого экспериментатор элиминировал все корневые морфемы, оставив лишь окончания – в результате получилась девятая „фраза“:

- (9) *А-ая Б-а В-о Г-анула Д-а и Е-ит Д-енка.*

Испытуемые должны были интерпретировать „фразу“, а именно – найти ее соответствие среди восьми приведенных выше фраз. Эксперимент показал, что студенты, без труда разбирающие „глокую куздру“, в этом случае встречаются со значительными трудностями, хотя синтаксические условия – „синтаксический шаблон“, в понимании Нормана – остались прежними.

Причина, как считает Кондратов, состоит в том, как понимаетс­я занимающий центральное положение в синтаксической структуре высказывания глагол *будлануть*. Дело не только в том, что он ассоциируется с глаголами сильного, однократного, негативного во-

здействия типа *долбануть*, но также в том, что слушающий актуализирует фонетическую ассоциацию *будлануть – боднуть*:

Мы воспринимаем шербовское слово, имея уже подсознательную трактовку этого глагола как действия, осуществляемого живым существом по отношению к другому живому существу [...] И когда начинаем вроде бы сугубо академический, формальный грамматический анализ фразы, на самом деле уже имеем в голове ее смысловую трактовку. Мы дешифровали фразу, поняли ее, а потом уже разобрали по косточкам с помощью грамматики. Но ведь как раз эта самая грамматика показывает, что глокую куздру можно понимать совсем иначе. Значит, все дело не в грамматике, а в семантике. Не абстрактная геометрия грамматики, а конкретное значение, носителем которого является мозг человека, определяет трактовку придуманной глокой куздры! (1978, 81).

3. Ситуативная семантика vs. наивная картина мира

При интерпретации семантической (пропозициональной) структуры предложения важную роль играют фоновые знания носителей языка о мире – так называемая *апперцептивная база* речевой деятельности. Наши знания о тематической принадлежности слов (в основе которой лежит тематическая категоризация их референтов) во многом определяют формирование и обработку структуры предложения, в частности, семантические функции его конститuentов. Благодаря устойчивым тематическим ассоциациям слово даже в нетипичной синтаксической позиции может легко идентифицироваться с определенной семантической функцией, например, слова с локативной семантикой:

Африка жаркая.

В Африке жарко.

Как считает Г. Фрайдхоф, существительное *Африка*, независимо от падежной формы выступает в качестве локатива (Freidhof 1978, 158).

Другим примером могут быть слова с орудийной семантикой, которые выступают также в позиции агентивного компонента:

На селе, в далекой клуне

Цеп молотит и стучит (В. Хлебников).

Над полюсом взлетают самолеты,

а ножницы срезают виноград (Н. Ушаков).

В данном случае реализуется синтаксический механизм – транспозиция. А. Г. Максапетян (1990, 37), который пишет о регуляр-

ном характере данного явления, отмечает, что агентивная позиция обуславливает антропоморфизации именных групп с орудийной семантикой. Так, в первом из приведенных выше высказываний *цеп* – не просто инструмент действия, но и причина шума, во втором высказывании *ножницы* – не просто орудие в руках человека, но и предмет, обладающий определенными свойствами ('ножницы обладают свойством срезать виноград'), а также элемент причины определенного состояния ('ножницы позволяют человеку срезать виноград'). Неслучайно творительный падеж как регулярная форма выражения орудийности (Норман 1994, 163) довольно регулярно используется для выражения каузативной семантической функции:

Его ранило стрелой = 'Причиной его ранения была стрела, а именно – попадание стрелы'.

Дом разнесло снарядом = 'Причиной разрушения дома стал снаряд, а именно – попадание снаряда'.

Дерево сломало ветром = 'Дерево оказалось сломанным по причине ветра, а именно – потому, что на него воздействовал сильный ветер'.

Его ударило током = 'Причиной того, что он испытал удар, было воздействие тока'.

Второй аргумент в высказываниях модели $S_{Acc} + VF_{Impers} + S_{Instr}$ (с деструктивным лексическим значением предиката) должен выполнять семантическую функцию неодушевленного стихийного субъекта (*ветер, ток*) либо функцию непрямого, второго инструмента – между ним и субъектом имеется агрегат-посредник, ср.: *стрелок* – *лук* – *стрела*, *артиллерист* – *орудие* – *снаряд*. Если это правило нарушается, высказывание вступает в конфликт с нормой:

**Дерево сломало экскаватором.*

**Прохожего сбило машиной.*

**Его ранило ножом.*

**Его ударило рукой.*

Словоформы *экскаватором, машиной, ножом, рукой* выполняют семантическую функцию прямого инструмента, посредник между субъектом и орудием здесь отсутствует.

Чтобы представить, как ведут себя орудийные компоненты в высказываниях с заполненной синтаксической позицией субъекта действия, рассмотрим высказывания:

Х ранил его стрелой.

Х сломал дерево экскаватором.

X сбил его машиной.
X раздавил его ногой.
 ? *X разрушил дом снарядом.*
 ? *X ранил его пулей.*

В этом случае актуализируется еще один признак – наличие в момент времени, предшествующий воздействию на объект, непосредственного воздействия субъекта на инструмент. Именно этот признак обуславливает корректность первых четырех высказываний и, скорее всего, некорректность пятого и шестого высказываний – последние приемлемы только при условии, что *X ранил его, удерживая в руках снаряд или пулю (или же воздействуя на снаряд или пулю другой частью своего тела)*, например:

X ранил его пулей, т. е. X бросил в него пулю и тем самым (таким образом) ранил его.

При отсутствии прямого физического воздействия агенса на инструмент второй аргумент при деструктивном предикате является, скорее всего, каузативным (*почему дом разрушен?*) или медиативным (*каким способом дом разрушен?*), а предметные имена (*снаряд, пуля*) выполняют объектную функцию, ср.:

X разрушил дом выстрелом снаряда, т. е. в результате того, что X выстрелил в дом снарядом.

X ранил его выстрелом пули, т. е. в результате того, что X выстрелил в него пулей.

Как я уже писал (Кіклевіч 1993, 33; Киклевич 1998, 75 сл.), категории прямого (неотчуждаемого) и непрямого (отчуждаемого) инструмента проявляются в некоторых выражениях с кванторными словами, в частности – в контексте глаголов со значением каузации малой и предельной степени изменения состояния объекта, например: *притушить – затушить, пригасить – загасить, приоткрыть – закрыть*. Эта оппозиция, скорее всего, является кванторной. В семантическом толковании упомянутых глаголов есть кванторные элементы, ср.:

Притушите фонарь = 'Сделайте так, чтобы часть пламени в фонаре не горела'.

Затушите фонарь = 'Сделайте так, чтобы все пламя в фонаре не горело'.

Поскольку кванторное значение инкорпорировано в содержание глагола, то, естественно, что поверхностно-синтаксическое дублирование кванторного слова не желательно:

*Затушите весь фонарь.

Впрочем, это правило имеет и исключения. Ср. высказывания:

Затушите костер.

Затушите фонарь.

В первом выражении объект квантификации и объект каузации совпадают – это пламя костра, во втором – могут не совпадать, если субъект непосредственно воздействует не на пламя фонаря, а на имеющуюся на его корпусе специальную вращаемую головку. Далее, в первом выражении предполагается многократное воздействие на пламя костра, во втором – однократное воздействие на пламя фонаря. Наконец, в первом высказывании весь костер охвачен пламенем, а во втором – только часть фонаря – фитиль. Эти семантические факторы обуславливают возможность либо невозможность употребления кванторного слова в контексте предиката *затушить* и т. п., ср.:

Затушите весь костер.

*Затушите весь фонарь.

*Затушите всю свечу.

Если имеется в виду, что горит фонарь как целостный объект (например, кто-то поджег его, облив бензином), высказывание может быть корректным:

Затушите весь фонарь.

Аналогичные семантические характеристики имеют глаголы *приоткрыть*, *закрыть* и их адвербиальные соответствия *настежь* и *наглухо* (Кіклевіч 1993, 33):

Окно раскрыто настежь.

Окно закрыто наглухо.

Эти высказывания обозначают положения дел, которые являются результатом воздействия на окно, однако не прямо на раствор окна (который и является объектом квантификации), а на конструктивные элементы окна как агрегата (например, в результате воздействия на ручку и створки окна). Если говорящий произносит высказывания:

Вы закрыли все окно

Откройте все окно

они будут корректны только в том случае, когда объект каузации и объект квантификации различаются – объект каузации совпадает с инструментом, который не принадлежит окну как агрегату, ср.:

Она раздвинула шторы и открыла все окно.

Отодвиньтесь – своей головой вы закрыли все окно.

Как видим, на семантическую интерпретацию высказывания влияет не только его языковая структура, набор грамматических и лексических значений синтаксем, но также общие и частные когнитивные установки говорящего. Под термином *эпистемический возможный мир* я буду понимать интенциональное (ментальное или эмоциональное) состояние языкового субъекта, на фоне (или в рамках) которого осуществляется – в форме предложения – номинация положения дел. Другими словами, эпистемический возможный мир – это субъективная категоризация опытных данных (Киклевич 1992, 39 ссл.). Ср. высказывания:

– А ты не смотри, спи себе.

– Я бы не смотрел, – глаза смотрят (Ф. Сологуб).

Сны прижались к ставням и дверям (В. Луговской).

В первом случае отражается мир восприятия действительности, характерный для ребенка – здесь часть тела (глаза) персонифицируется, ср. интерпретацию: 'У меня такое ощущение, что глаза самостоятельно, независимо от меня, не подчиняясь мне, смотрят'. Во втором высказывании мы также имеем дело с воображением, в котором сон представляется как активный материальный предмет ('Я представляю себе, что сны, подобно живым людям, прижались к ставням и дверям'). В связи с этим уместно напомнить, что поэзии иногда вообще приписывается признак „детскости“ – так, в частности, исследователи характеризуют стиль Бориса Пастернака.

При анализе художественного (и не только художественного) текста роль метафоры часто преувеличивается. Так, Ю. М. Лотман писал о метафоризации любого компонента поэтического текста в синтагматических цепочках с нарушением нормативной лексической сочетаемости: „У Пастернака [...] или Вознесенского метафорой могут считаться практически любые два стоящих рядом слова“ (1970, 116). На самом же деле в подобных случаях мы нередко сталкиваемся не с метафорой, а с актуализацией эпистемического возможного мира, альтернативного по отношению к норме, т. е. сте-

реотипному представлению о мире. В высказывании из поэзии Уильяма Эмпсона

*Лишь кровь горячая рождает
В нас вечный дух для славных дел*

Д. Дэвидсон не усматривает метафоры слова *дух*, потому что, по его мнению, для автора стихов оно связано с мифопоэтической семантикой: *дух* – небольшая, но активная часть крови, нечто среднее между душой и телом (1990, 180).

Окказиональные эпистемические возможные миры воплощены, в частности, в семантических архаизмах, которые необходимо учитывать при семантическом анализе высказывания. Хрестоматийным примером является предложение:

Солнце всходит и заходит.

Выражения этого типа отражают то, что называют „наивной картиной мира“ (Ю. Д. Апресян): солнце в сообщении предстает как движущийся относительно земного наблюдателя объект, т. е. субъект перемещения.

Наивные, зачастую архаические, мифологические представления о мире широко отражены в синтаксических структурах:

*Сердце наполнилось радостью.
Сердце переполняла радость.
На улице стояла жара.
Дни шли за днями.
Всех охватила паника.
Река вышла из берегов.
Голоса тонули в шуме моторов.*

Так, первое из приведенных выше высказываний, с одной стороны, можно интерпретировать: 'Субъект состояния – *сердце*, перешел в состояние – *наполниться радостью*', т. е. в семантической структуре высказывания имеются два компонента: аргумент *сердце* (с функцией субъекта состояния) и предикат *наполниться радостью*. С другой стороны, нельзя не учитывать, что высказывание отражает мифологическое сознание, в котором *радость* обозначает некоторую субстанцию, наполняющую сердце, подобно тому, как сосуд наполняется жидкостью. При такой интерпретации семантическая

структура высказывания выглядела бы иначе: в ней следовало бы выделить предикат *наполнять* и два аргумента – *радость* и *сердце*.

Литература

- Андерш Й. Ф. (1987), *Типологія простих дієслівних речень у чеській мові в зіставленні з українською*, Київ.
- Апресян Ю. Д. (1966), *Идеи и методы структурной лингвистики*, Москва.
- Апресян Ю. Д. (2001), „Русский синтаксис в научном освещении“ в контексте современной лингвистики, Пешковский, А. М., Русский синтаксис в научном освещении, Москва, III–XXXIII.
- Арутюнова Н. Д. (1976), *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*, Москва.
- Богданов В. В. (1977), *Семанτικο-синтаксическая организация предложения*, Ленинград.
- Дэвидсон Д. (1990), *Что означают метафоры*, Арутюнова Н. Д./Жури́нская М. А. (ред.), Теория метафоры, Москва, 173–193.
- Золотова Г. А. (1988), *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*, Москва.
- Камалова А. А. (1998), *Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах*, Архангельск.
- Кацнельсон С. Д. (1988), *Заметки о надежной теории Ч. Филлмора*, „Вопросы языкознания“, 1, 110–117.
- Киклевич А. К. (1989), *Содержательные аспекты систематизации множественных актантов*, „Веснік Беларускага універсітэта“, IV/1, 44–49.
- Киклевич А. К. (1992), *Художественный текст и теория возможных миров*, Борухов Б. Л./Седов К. Ф. (ред.), *Художественный текст: онтология и интерпретация*, Саратов, 39–47.
- Киклевич А. К. (1998), *Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации*, München.
- Киклевич А. К. (1999), *Лекции по функциональной лингвистике*, Минск.
- Киклевич А. К. (2001), *Стереотипы телекоммуникации и художественная символика телефона*, „Wiener Slawistischer Almanach“, 48, 167–196.
- Кіклевіч А. К. (1993), *Аб некаторых сінтаксічных уласцівасцях квантарных лексем*, „Веснік Беларускага універсітэта“, IV/2, 30–34.
- Кондратов А. М. (1978), *Звуки и знаки*, Москва.

- Левицкий Ю. А. (1988), *Предложение и высказывание*, Пермь.
- Лещенко М. И. (1988), *Виртуальный и актуальный аспекты предложения*, Минск.
- Ломтев Т. П. (1976), *Общее и русское языкознание. Избранные работы*, Москва.
- Лотман Ю. М. (1970), *Структура художественного текста*, Москва.
- Максапетян А. Г. (1990), *Каузация. Лингвистические и экстралингвистические аспекты*, Ереван.
- Мартынов В. В. (1977), *Универсальный семантический код. Грамматика. Словарь. Тексты*, Минск.
- Мустайоки А. (1997), *Возможна ли грамматика на семантической основе?*, „Вопросы языкознания“, 3, 15–25.
- Мустайоки А. (2006), *Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам*, Москва.
- Никитин М. В. (1988), *Основы лингвистической теории значения*, Москва.
- Норман Б. Ю. (1987), *Язык: знакомый незнакомец*, Минск.
- Норман Б. Ю. (1994), *Грамматика говорящего*, Санкт-Петербург.
- Падучева Е. В. (1985), *Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*, Москва.
- Пауль Г. (1960), *Принципы истории языка*, Москва.
- Пешковский А. М. (2001), *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва.
- Плунгян В. А./Рахилина Е. В. (1990), *Сирконстанты в толковании?*, Salon Z. (ред.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 201–210.
- Ревзин И. И. (1978), *Структура языка как моделирующей системы*, Москва.
- Селиверстова О. Н. (ред.) (1982), *Семантические типы предикатов*, Москва.
- Слинин Я. А./Сергеев, К. А. (1980), *Логическая семантика Г. Фреге*, Проблемы законов науки и логики научного знания, Ленинград, 157–172.
- Степанов Ю. С. (1981), *Имена. Предикаты. Предложения*, Москва.
- Уфимцева А. А. (1974), *Типы словесных знаков*, Москва.
- Филлмор Ч. (1981), *Дело о падеже*, [в:] Звегинцев В. А. (ред.), Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика, Москва, 369–495.

- Фреге Г. (1977), Смысл и денотат, „Семиотика и информатика“, VIII, 181–210; польский перевод: Frege G. (1967), *Sens i nominat*, Logika i język. *Studia z semiotyki logicznej*, Warszawa, 225–251.
- Coseriu E. (1987), *Formen und Funktionen. Studien zur Grammatik*, Tübingen.
- Daneš F. (1985), *Věta a text. Studie ze syntaxe spisovne češtiny*, Praha.
- Freidhof G. (1978), *Kasusgrammatik und lokaler Ausdruck im Russischen*, München.
- Freundlich R. (1972), *Einführung in die Semantik*, Darmstadt.
- Grzegorzczkova R. (1990), *Wprowadzenie do semantyki językowej*, Warszawa.
- Hartig M. (1978), *Einführung in die Sprachtheorie. Das Verhältnis von Sprache und Denken*, Stuttgart etc.
- Helbig G. (1992), *Probleme der Valenz- und Kasustheorie*, Tübingen.
- Karolak S. (1984), *Składnia wyrażen predykatywnych*, Topolińska Z. (red.), Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia, Warszawa, 11–211.
- Karolak S. (2002), *Podstawowe struktury składniowe języka polskiego*, Warszawa.
- Kiklewicz A. (2004), *Podstawy składni funkcjonalnej*, Olsztyn.
- Kiklewicz A. (2007), *Tak zwane człony przyłączone a status referencyjny wypowiedzi*, „Poradnik Językowy“, 9, 29–45.
- Mauro T. de. (1982), *Einführung in die Semantik*, Tübingen.
- Ogden C. K./Richards I. A. (1969), *The Meaning of Meaning. A Study of The Influence of Language upon Thought and of The Science of Symbolism*, London.
- Panevová J. (1980), *Formy a funkce ve stavbě české věty*, Praha.
- Panevová J. (1999), *Valence a její universalni a specifické projevi*, Hladka Z./Karlik P. (ред.), *Čeština – uniwersalia a specyfika*, Brno, 29–37.
- Panevová J. (2001), *Valency Frames: extension and re-examination*, „Studia Slavica Oldenburgensia“, IX, 325–340.
- Panevová J./Klimonow W. (1984), *Заметки о валентности отглагольных существительных*, „The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics“, 41, 15–25.
- Piernikarski C. (1990), *Struktura syntaktycznych grup homogenicznych (w zestawieniu z niektórymi grupami heterogenicznymi)*, Wrocław etc.

Резиме

Александар Киклевич

ПРОБЛЕМИ ОПИСА РУСКЕ СИНТАКСЕ
СА СЕМАНТИЧКОГ АСПЕКТА

У раду се разматрају спорна питања семантичког описа руске синтаксе. Аутор промишља моделовање семантичке структуре реченице у равни онтолошког детерминизма и језичке релативности, те улогу граматичких категорија у реализацији синтаксичке семантике. У вези с тим, посебна пажња посвећује се проблему разграничења обавезних и необавезних компонената реченице, то јест конституената и помоћних делова. Разматрајући појаву синтаксичке хомонимије, аутор заступа гледиште да се разумевање хомонимских конструкција у језику ослања не само на граматичке моделе реченице, него – у још већој мери – на лексичко-семантички састав реченице. Семантичка структура реченице, према виђењу аутора, зависи од наивне слике света.